

Лушэн не сердился и не обращал на него внимания. Он медленно опустил голову, думая про себя: «Что за бестолковый человек?». Но, взглянув на его ошарашенный вид, он вдруг почувствовал, что злиться уже не получается. Оба они невольно смутились: Лушэн — от застенчивости и легкого раздражения, а Цзинь Шиань — от полного непонимания происходящего. Простояв так некоторое время, Лушэн тихо спросил:

— Ты хочешь, чтобы я бросил курить опиум, верно?

Цзинь Шиань наконец пришел в себя. Увидев, что Лушэн колеблется, он почувствовал, как сердце ушло в пятки.

— Я не заставляю тебя, решать только тебе. Если бросишь — будем действовать сообща как товарищи. Не бросишь — оставайся здесь своим господином Баем, а я завтра же попрошу дедушку забрать меня домой. С этого дня мы больше не будем иметь друг к другу никакого отношения, разойдемся и каждый пойдет своей дорогой.

Эти слова должны были прозвучать твердо, но Цзинь Шиань, сам не зная почему, почувствовал неуверенность. Ему отчаянно хотелось, чтобы Лушэн согласился, и под конец он совсем сник:

— Я теперь, как-никак, тоже господин. Если тебе нужна помощь, чтобы завязать, я всё обеспечу.

— ...И как же ты собираешься мне помочь?

— Да как угодно. Хоть сидеть с тобой неотлучно, — Цзинь Шиань не стал юлить. — Я уже позволил тебе искушать меня, как перезревшую лепешку, так что не боюсь, если придется потерпеть еще пару раз.

Лушэн, услышав этот вздор, не удержался и едва не засмеялся. Помолчав немного, он серьезно посмотрел на него и произнес по слогам:

— Твоя помощь не нужна. Я согласен.

Ответ был слишком быстрым, и Цзинь Шиань даже не поверил своим ушам. Заметив его нерешительность, Лушэн снова напустил на себя гордый вид:

— Раз я дал слово, то обязательно исполню. Не стоит меня недооценивать!

Цзинь Шиань потер ладони:

— Мужчина сказал — мужчина сделал! Товарищ, давай по рукам!

Лушэн слегка покраснев, пожал ему руку.

Вспоминая тот момент, трудно было назвать их рукопожатие встречей великих людей — скорее, черт возьми, это было похоже на предложение руки и сердца. В общем, в этот миг родился революционный союз: великий, чистый, преодолевающий классовые границы, пронзающий время, словно свалившийся с небес чит-код из романа, где герои презирают друг

друга, не имеют плана, но слепо полны оптимизма. Союз, в центре которого стояли двое, и, возможно, в будущем их так и останется двое — союз, решивший рука об руку идти к освобождению!

Цзинь Шиань радовался всё больше и больше, ему не терпелось тут же побрататься, но, вспомнив вчерашние пинки и царапины, он поморщился от боли в заднице и, растянувшись на кровати, крикнул:

— Больше не называй меня господином. Между братьями всё должно быть на равных.

— А как тогда называть?

Цзинь Шиань ухмыльнулся и щелкнул Лушэна по подбородку:

— Зови меня старшим братом.

Осенний дождь

Успех в деле избавления от наркозависимости зависит от двух вещей: степени привыкания и решимости самого человека. Конечно, чем слабее зависимость, тем лучше, а чем сильнее решимость — тем больше шансов на успех. Когда Цзинь Шиань учился в Австралии, он видел, как его знакомые разорялись из-за наркотиков, и понимал: сказать легко, сделать трудно. Но опиум — это всё же примитивный наркотик, и вырваться из его оков вполне возможно.

Как бы плох ни был Бай Лушэн в роли напарника, раз уж у него появилась решимость начать жизнь заново, Цзинь Шиань решил помочь ему до конца.

Он тайком попросил Чжоу Юя пригласить врача, чтобы тот осмотрел Лушэна. Японский доктор, с трудом изъяснявшийся на ломаном китайском, долго расспрашивал, а потом пожал плечами, обращаясь к Шианю:

— Он курит не так давно, так что при таком состоянии есть надежда на выздоровление. Но среди моих пациентов были люди в куда лучшем состоянии, чем он, и, к сожалению, никто из них не смог довести дело до конца.

Лушэн прикусил губу и промолчал. Когда врач ушел, он посмотрел на Цзинь Шианя:

— Чтобы бросить курить, достаточно и моих усилий. К чему было поднимать такой шум и звать доктора?

— Врач может дать советы. Товарищ, народные методы не сравнятся с профессиональной помощью, понимаешь?

— И что? Он пришел, наговорил умных слов, не выписал ни лекарств, ни рецептов, только поиздевался и ушел.

— Смешно, я для тебя доктора нашел, а ты на меня еще и огрызаешься?

Лушэн на мгновение осекся. Опустив голову, он тихо проговорил:

— Я не виню тебя, просто боюсь, что тебя обманут. В конце концов, я сам виноват в том, что начал курить и теперь пытаюсь бросить. Это позорное дело, оно не стоит того, чтобы ты трубил о нем на каждом углу. Если узнает бабушка, мне-то достанется, но я ведь и тебя подставляю под гнев. Даже если не накажут, чужие люди будут смеяться над тобой. К чему это?

Он отвернулся:

— Сейчас я всё равно ничем не могу тебе помочь, не трать на меня деньги зря.

Он всё так точно подсчитал, словно не хотел быть обязанным ни на грош. Цзинь Шиань понял: Лушэн всё еще считает его чужаком. Деньги господина он готов тратить, но пользоваться услугами чужака — ни за что. Цзинь Шианю стало немного обидно, но он сдержался. Он потянул Лушэна за собой:

— Не усложняй простые вещи. Бросить курить не получится одним махом, так что это не пустая трата денег.

— Он просто смотрит на меня свысока. К тому же, раз он хочет нажиться на тебе, то, конечно, будет преувеличивать трудности.

— Ты разве не слышал, что он сказал? Есть люди, у которых зависимость слабее твоей, но никто не смог завязать.

Лушэн взглянул на него:

— А я стану тем, кто сможет.

— Ой, перестань нести чушь, сначала выслушай меня.

Врач советовал использовать опийную настойку для постепенного снижения дозы, чтобы со временем полностью избавиться от зависимости. Цзинь Шиань счел это разумным, что-то вроде метадоновой терапии из будущего. Учитывая, что Лушэн едва держался на ногах, этот метод казался подходящим.

Тратить деньги на врача было правильным решением.

Однако, когда он изложил этот план, Лушэн покачал головой:

— Сегодня уменьшить, завтра уменьшить — и когда этому придет конец? Я уже пробовал этот метод, это лишь способ для богачей покупать еще одно лекарство, самообман. Неудивительно, что он сказал, будто никто не добился успеха. Избавишься от большого яда, подсядешь на меньший — разве это не замкнутый круг?

Логика была безупречной, но Лушэн явно недооценивал, насколько тяжело бросить курить.

— Тогда что ты предлагаешь?

— А что тут предлагать? Раз я дал тебе слово, то обязательно исполню. Не будь таким же, как этот япошка, не смотри на меня свысока.

Дело дошло до ущемленной гордости. Цзинь Шиань почувствовал, что его доброта была потрачена впустую, и в досаде решил подлить масла в огонь:

— Ладно-ладно, хочешь бросать резко — пожалуйста! Посмотрим, как ты запоешь, когда начнется ломка. Я буду ждать, когда ты приползешь ко мне со слезами на глазах.

Лушэн встал и направился к выходу:

— Раз ты так в меня не веришь, я докажу тебе обратное! Если я хоть раз дам слабину, можешь отрубить мне голову!

Они поссорились и разошлись. Выйдя, Лушэн позвал тетушку Лю:

— Все мои курительные принадлежности — всё, что есть, найдите и выбросьте.

Цзинь Шиань, стоя позади, с издевкой добавил:

— Ого! Вот это решимость!

Лушэн даже не обернулся.

Чжоу Шу и тетушка Лю, как и другие слуги, были в полном недоумении, не понимая, из-за чего те двое опять ссорятся. Впрочем, выбрасывать курильницу было не впервой — за прошлые разы это случалось уже семь или восемь раз, и всё заканчивалось лишь представлением. Обычно господин Бай выбрасывал всё, но через пару дней не выдерживал, и господин, жалея его, тайком приказывал купить новый набор. Тетушка Лю, привыкшая к этому, символически подняла две курительные трубки:

— Сейчас, сейчас всё сделаем!

Лушэн, заметив это, вспыхнул:

— Кого вы дурите? Думаете, я тут спектакль разыгрываю? Лампы, трубки, опий — не оставить ничего!

Тетушка Лю была в шоке:

— Выбрасывать по-настоящему?

Цзинь Шиань сзади ехидно повторил:

— Выбрасывать по-настоящему?

Бай Лушэн покраснел от ярости:

— Когда я хоть раз не выбрасывал по-настоящему? Вы просто намеренно мне мешаете!

Дразнить этого капризулю было так весело, что Цзинь Шиань не мог удержаться от смеха.

Но вскоре ему стало не до смеха.

Цзинь Шиань всегда был человеком поверхностным, загорался на три минуты, а потом забывал. Как-то в детстве он купил права на экранизацию романа, который ему не понравился, а когда автор всё переписал, он потерял интерес. Свинья видит в людях свиней, собака — собак. Исходя из этой логики, он решил, что господин Бай такой же. Видя, как тот с негодованием выбросил вещи, а потом притих, он не придал этому значения.

Цзинь Шиань не спешил с планом по исправлению напарника: он ждал, когда поймает его на горячем, чтобы вдоволь посмеяться — тогда-то тот точно станет покладистым.

Кто же знал, что Бай Лушэн действительно заупрямится? С того дня они перестали обедать вместе, и между ними, разделенными садом, будто пролегла граница. Говорят, напарники как супруги: кто первый сдастся, тот и проиграл. Цзинь Шиань не собирался лезть со своим дружелюбием, раз не зовут — и он не подойдет.

Эти дни он лежал в постели, залечивая раны, иногда развлекаясь с попугаем, которого принес Чжоу Юй. Птица сидела на жердочке и кричала: «Больно! Больно! Посмотри, господин!». Цзинь Шиань смеялся и делал вид, что хочет пнуть Чжоу Юя:

— Что это за ерунда, дядя Чжоу? Ты тоже смеешься над моими ранами?

В ту ночь он проснулся от желания сходить по нужде. За эти дни он привык, что служанки дежурят ночью, и стоило позвать, как приносили ночной горшок и чай. Но в ту ночь — ни души. Он позвал Цуйэр, но ответа не было. Позвал Шаньшань — тоже тишина. Цзинь Шиань, придерживая больное место, побежал искать туалет, но, обежав всё, так и не нашел его! В домах богачей старого времени всё было таким огромным, что он впервые осознал всю нелепость ситуации, когда путь до туалета кажется вечностью. Делать было нечего, ночь темная, и он решил облегчиться прямо в саду.

Стоя в кустах, он услышал вдали звуки, похожие на удары барабана или на то, как что-то мягкое бьется о стену. Вдруг впереди послышались шаги. Цзинь Шиань прищурился: это была Цуйэр, за ней шла другая служанка, Цзяохун, державшая в руках какой-то предмет. Приглядевшись, он закипел от ярости: в руках у Цзяохун был медный поднос, а на нем — полный набор для курения опиума!

Цзинь Шиань был зол, но в то же время чувствовал торжество: он же знал, что изнеженный господин Бай не выдержит! Посреди ночи опять взялся за старое!

И ведь как наслаждается, подумал он с презрением, представляя, как господин Бай лежит, окруженный служанками. Он, поправляя штаны, пошел следом. Служанки, выглядевшие

обеспокоенными, дошли до комнаты Лушэна, но не вошли, а свернули к стене.

Там стояли еще двое с фонарями. Снова слышался тот же глухой звук, становящийся всё чаще. Цзяохун и Цуйэр, не заметив его, зашептали:

— Дядя Чжоу, откройте дверь! Господин больше не может терпеть!

Оказалось, что двое с фонарями — это Чжоу Юй и тетушка Лю.

Чжоу Юй, прижавшись к стене, тихо ответил со слезами в голосе:

— Господин! Выходите! Никто не узнает, ничего страшного, если вы сделаете хоть одну затяжку, или хотя бы откройте дверь, попейте воды!

Тетушка Лю тоже была в отчаянии:

— Милый мой, к чему эта ссора с господином? Это ведь не к спеху, вы уже несколько дней не видите! Сделайте хоть глоток, я велела Цуйэр заварить крепкого чая — не рвите, не рвите одеяло, вы же пораните руки!

Цзинь Шиань в ужасе выскочил из кустов:

— Что вы тут делаете?!

Чжоу Юй и тетушка Лю упали на колени, а служанки от страха выронили фонари. Цзинь Шиань поднял один:

— Черт возьми, что происходит?

Чжоу Юй, съежившись, пробормотал:

— Господин там мучается от ломки. Уже несколько ночей.

— Что это за звуки?

— Не может терпеть, бьется головой о стену, порвал одеяла и занавески, каждый день рвет всё вокруг, а потом сам себя связывает!

Цзинь Шиань был в шоке:

— Почему вы мне не сказали?!

Чжоу Юй ответил:

— Господин сказал, что не покажется вам на глаза, пока не добьется своего...

Оказалось, что после ссоры Лушэн вернулся, молча позвал Чжоу Юя и сказал: «Боль неизбежна, зачем ждать? Я хочу покончить с этим сегодня. Ночью свяжите меня, слуги не нужны».

Помолчав, он добавил: «И не говорите господину, он сам еще не оправился от ран... не хочу его пугать».

Сначала он держался гордо, а потом проявил заботу. Чжоу Юй, видя его состояние, пытался уговорить: «Господин, зачем так упрячиться? Стоит сказать господину».

Бай Лушэн вспыхнул: «Это мой дом или его? Если хочешь служить своему господину, возвращайся в особняк Цзинь! Я сказал, что справлюсь сам, неужели я не проживу без него?»

Это была гордость человека, выросшего в бедности — гордость, с которой он был готов идти до конца. Если уж делать, то делать как следует, а если не получается — винить только себя.

Раньше, когда Цзинь Шиань просил его бросить курить, Чжоу Юй, боясь, что тот поранится, связывал его. Лушэн тогда злился, но теперь, желая покончить с этим как можно скорее, он уже не обращал внимания на веревки. Но ломка — это не шутки. С каждым часом становилось всё хуже: сначала зевота, потом слезы, а потом — невыносимая боль в каждой косточке. Он молчал, никого не звал, пил холодную воду, а когда боль становилась невыносимой, бился о стену.

Цзинь Шиань был в ярости:

— Вы что, с ума сошли? Он сказал не входить, и вы не вошли? Он там взрывается, а вы стоите и смотрите?

Чжоу Юй кланялся до земли:

— Вы же знаете характер господина. Он скорее умрет, чем отступит. Раз обещал вам, разве он нарушит слово? Вчера мы с тетужкой Лю принесли опиум, но не смогли его убедить. А после того, как мы попытались настоять, он даже есть перестал!

Кто осмелится войти?

Все давно хотели сказать господину, но видели, что тот ведет себя равнодушно, и не знали, как начать. Прислали попугая, чтобы тот кричал о боли, надеясь, что господин поймет намек, но где уж Цзинь Шианю было догадаться? Пять дней они жили в страхе, пока всё не вскрылось сегодня ночью.

Цзинь Шиань не стал никого ругать — не было времени. Он издал яростный вопль и пнул куст гибискуса, усыпав землю лепестками.

Все замерли у двери. Внутри слышалось тяжелое дыхание и глухие удары о стену.

Цзинь Шиань метался снаружи, словно муж при тяжелых родах. Несколько раз он пытался открыть дверь, но Чжоу Юй и тетужка Лю останавливали его:

— Господин, там всё в крови, вам лучше не видеть.

— Он же бьется головой о стену, человек может умереть!

— Стены обиты одеялами, всё будет хорошо.

«Хорошо»? Стены вот-вот рухнут! Цзинь Шиань застучал в дверь:

— Эй, дружище, ты как? Если не можешь, давай позovem врача? Я за тебя волнуюсь!

Лушэн изнутри ответил слабым голосом:

— Уходи. Если войдешь, я умру у тебя на глазах!

— Не время для упрямства! Я верю, что ты справишься, но если ты убьешь себя раньше, чем бросишь курить, — ты что, совсем без мозгов?

— Не смотри на меня свысока! Я сказал, что справлюсь, значит, справлюсь. Никаких врачей, даже если сам император придет, я не выйду!

Упрямец. Чжоу Юй и тетушка Лю снова пытались его успокоить:

— Господин, пощадите его самолюбие. Там ужасная картина, как он сможет смотреть вам в глаза, если вы войдете?

Цзинь Шиань не понимал: если они вошли, то какая разница? Но он боялся, что единственный его напарник действительно покончит с собой. Он только и мог, что ходить кругами, схватившись за голову.

Это была его вина, его длинный язык! Знал бы — не стал бы его задирать.

Слуги были напуганы. Вскоре небо затянуло тучами, и пошел дождь.

Чжоу Юй несколько раз просил господина пойти отдохнуть, но Цзинь Шиань хотел его ударить:

— Он тут на грани смерти, а ты предлагаешь мне идти спать? Я вообще человек или кто?

Чжоу Юй промолчал. Все стояли под дождем, беспомощно наблюдая, как Бай Лушэн борется за жизнь.

Цзинь Шиань понимал, что был неправ, недооценив Лушэна. Если он сейчас ворвется, они, возможно, перестанут быть даже друзьями.

Дождь усиливался. Звуки внутри стихли. Цзинь Шиань лег на землю, прижавшись ухом к двери:

— Малыш! Я признаю поражение! Ты главный, я младший, идет?

Внутри — тишина.

Цзинь Шиань спросил:

— Когда он обычно открывает дверь?

Чжоу Юй прошептал:

— Только когда сам позовет.

Цзинь Шиань снова припал к двери:

— Ты справился? Если да, открывай!

Снова тишина.

Все почувствовали неладное. Вдруг послышался звон разбитого фарфора, а затем — тяжелый удар тела о пол. Цзинь Шиань, не выдержав, выбил замок. Внутри был полный хаос: Бай Лушэн порвал веревки и лежал в крови среди осколков.

Цзинь Шиань подхватил его на руки и закричал:

— Чего стоите? Врача!

Первая слива

Только увидев всё своими глазами, понимаешь: когда человек доходит до предела страданий, он теряет контроль над собой. Избавление от зависимости требует жертвы в виде самоуважения и воли.

Но без этого избавления истинного самоуважения быть не может.

Он обнимал Лушэна, не чувствуя ни отвращения, ни брезгливости — только стыд и гнев. Стыд за свое восхищение, гнев на самого себя.

Лушэн в полубреду не узнавал его и, сопротивляясь, плакал:

— Я не буду пить это лекарство.

Цзинь Шиань:

— Хорошо, не будем.

Лушэн:

— ...Не давай им вредить мне снова.

Цзинь Шиань:

— Никто не посмеет! Убью любого, кто тронет тебя!

Лушэн постепенно затих:

— Я один... мне страшно.

Цзинь Шиань мягко утешил его:

— Эй, старший брат здесь.

Нужно отдать должное слугам: комната, превращенная в руины, в мгновение ока была приведена в порядок.

<http://bllate.org/book/19790/1950114>